

Андрей Фокша

СЕРЕБРЯНЫЙ СТРЕЛЕЦ

Андрей Фокша

Серебряный стрелец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21200474

ISBN 9785448320187

Аннотация

«Где живет настоящая любовь? Та, при которой уже не вспоминаешь о прошлом. Возможно ее и вовсе не существует. Так все и думают, пока не почувствуют внутри себя что-то особенное и необъяснимое. Но если ты не готов открыть свое сердце, тогда любовь навсегда останется лишь мифом. Жаль, человек ничего не ценит, пока все не потеряет...»

Серебряный стрелец

Андрей Фокша

© Андрей Фокша, 2016

© Наталья Гусева, дизайн обложки, 2016

© Марина Никифорова, иллюстрации, 2016

Корректор Дарья Нестерова

Редактор Анастасия Красичкова

ISBN 978-5-4483-2018-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трасса живет своей жизнью. Это место, где все люди равны. Мне хочется ехать медленно, чтобы ничего не пропустить. В щелку окна дует теплый ветерок, стрелка тахометра исполняет веселый танец. Продавец справа, на стоянке, рекламирует свой товар картонной вывеской на заднем стекле старенького «жигуленка», где огромными буквами написано синими чернилами: «Груша». Пахнет землей, пылью и свежими фруктами. От скорости и сопротивления воздуха стеклоочистители на лобовом стекле начинают взлетать. Старушки у обочины продают вязанные из чистой шерсти и сделанные с любовью носки, платки и свитера. Они привлекают покупателей приветливым жестом руки, чтобы те ближе рассмотрели одежду. Я останавливаюсь полюбоваться

рисунками – это в основном разноцветные олени и полевые цветы.

Недалеко от них – что-то похожее на поселение эскимосов. Нет-нет, это предприимчивые торговцы развесили унты, головные уборы и меховые полушубки на своих деревянных стендах. Коричневые и золотые, они даже оттуда согревают меня. Мне захотелось купить теплую шапку, но я вовремя одумываюсь, вспоминая о весьма ограниченном бюджете.

От грузовиков, которые мчатся навстречу с бешеной скоростью, легковушку слегка знобит, она встряхивается и снова выравнивается. Разметки почти нигде нет. А вот вывеска «Раки» и следом же «Рыба». Маршрут во многих местах будет пролегать вдоль рек и озер, и реклама водных обитателей станет привычным делом.

Через несколько сотен километров появляются загадочные блестящие точки. Когда глядишь на них в упор, они больно ослепляют, словно яркие светодиодные фонарики. Еще ближе. Это хрусталь. Как красиво он переливается всеми цветами радуги в солнечных лучах. Они как будто поселились в нем и улыбаются оттуда проезжающим.

Автомобилей днем хоть пруд пруди. Всекуда-то мчатся, спешат. У каждого есть своя цель, точка прибытия. Многие стремятся обогнать друг друга из принципа или азарта, а кто-то ради самоутверждения, но меня это мало волнует. Некоторых встречаешь на дороге по пять раз, а то и больше. Останавливаюсь у кафе купить хлеба и тушенки. Продавщи-

да настаивает, что буханка не продается целиком, а только по кусочкам, но мне все же удастся ее переубедить. За минеральной водой пришлось проделать путь чуть дальше, к киоску. Водитель, сидевший на пластмассовом стуле у закуской, поинтересовался, из какого города я прибыл, и в ответ грубым басом спел а капелла известную песню.

Становится жарко. Я скидываю ботинки и топаю босиком. Так и поеду дальше. Педали сразу приобрели особенно сильную чувствительность к нажатию, и мне потребовалась некоторая сноровка, чтобы привыкнуть. Снимаю одежду и развешиваю ее на окнах — так лучше защищаться от солнца. Музыка громко звучит из всех четырех колонок. Подпеваю и немного фальшивлю. Скорость небольшая, и в хвост пристроился старый «мерседес» с эстонскими номерами. Возможно, водитель приобщается к русской культуре и слушает мой рок-н-ролл?

Огромный черный джип впереди никак не решается обогнать грузовик. Недолго думая я выезжаю на встречную полосу и начинаю давить на газ. Происходит это достаточно медленно. Мотору не хватает мощности. Вдруг внедорожник резко поворачивает перед моим носом. Я выкручиваю руль и выстраиваюсь третьим рядом. Все втроем едем параллельно. Моя левая сторона уже гроыхает пообочине. Водитель «паркетника» в изумлении сбросил скорость и отстал. Мне повезло. Еще немного, и столкновения не удалось бы избежать.

Дождь – это особая история. Тучи низко свисают прямо перед глазами, как будто их опустили вниз на веревочках и окунули сначала в синие, а потом в черные чернила. Они угрожают всей своей массой обрушиться на землю и повергнуть в смятение ее жителей. Темнеет, и воздух становится влажным, его тяжело вдыхать. Включаю подфарники и ближний свет. Вот и первые капли. Упав на стекло, они сползают не вниз, а куда-то вбок или даже забираются наверх, словно убегая от стеклоочистителей. Стихия все больше набирает силу, видимость очень плохая, и некоторые дальнобойщики останавливаются у обочины, чтобы переждать непогоду. Замигали аварийные фонари – так меня лучше видно. Продолжаю ехать, но скорость пришлось сбавить. Стекла полностью запотели, поэтому я немного приоткрываю окно, и поток грязно-холодной воды из-под встречной фуры стремительно обрушивается на руки и лицо.

Внутри машины становится уютно: приборная доска подмигивает мне своими лампочками. Небо уже неразделимо с горизонтом – все как огромное бушующее свинцовое море.

Вот и Республика Мордовия. Кто хоть раз побывал в городишке Умёт, что расположен сразу после поста весового контроля, никогда его не забудет. Это сердце дороги, чего тут только нет: площадки для привала с платной охраняемой стоянкой, бордель и огромное количество придорожных кафе. Девушки легкого поведения разгуливают в откровен-

ных нарядах, и пьяные местные жители не гнушаются знакомством с ними.

...Если особенно не повезет, вместо блюда из баранины можно заполучить шашлык из собаки или кошки. Вообще, Мордовия славится своими вековыми соснами и хвойными лесами. А какие замечательные тут растут грибы. Ну до чего же вкусные! Никогда бы не подумал, что на свете бывает такая пища. Съешь баночку маринованных опят – и сердце тает. Их продают почти на каждом углу.

Едешь по дороге, как по аллее, а вокруг тебя одни деревья. Ночью даже луна не может

пробиться сквозь их ветвистые кроны. А вот появляются знаменитые домики у обочины. Некоторые из них построенны на насыпном грунте, а другие, фундамент которых подпирают крупные срезы стволов ели или сосны, как будто парят в воздухе. Все они отличаются остроумными вывесками, например, «Мордодональдас» или «Сказка». А эти три харчевни, расположенные одна за другой, – «Едок», «Едун» и «Есть». А как вам такое заведение – «Не заходи – убьет»?

Останавливаюсь у кафе с завораживающим названием «Тайна». Пышнотелая женщина добродушно поприветствовала меня. Все ее четыре глаза загорелись при виде щедрого клиента. Очки в роговой оправе, казалось, ей велики. Я окинул взором ее хату: несколько березовых столов со скатертями не первой чистоты, за углом спряталась некогда белоснежная дровяная печь, от которой веяло теплом и уютом,

телевизор передавал федеральные новости, на потолке висела липкая лента от мух, а на подоконнике дымилась спираль от комаров. Везде ощущался запах костра, и слышалось ровное потрескивание дров. Громкое гавканье оторвало меня от размышлений, но буду надеяться, что лучших друзей человека не используют в качестве основного сырья. Впрочем, выбора у меня не оставалось. Я уселся на стул у окна. Стол украшала красная клетчатая клеенка, на которой стояли горчица, перец, майонез, сахар и соль, в которую все кто попало норовили залезть грязными лапами. Прочитав домашнее меню, я заказал суп харчо, салат оливье, картошку-пюре с гуляшом, полбуханки хлеба и чашку горячего чая. Ужин обошелся мне всего в двести рублей. Порции накладывали огромные – тарелка размером с тазик. Пришлось немного попотеть, чтобы расправиться со всеми изысками деревенской кухни.

– Девушка, куда мне столько? Я не осилю, – вымолвил я.

– Кушай-кушай на здоровье. Мы что сами едим, то и другим даем, – сказала хозяйка, смущенная комплиментом.

Меня это искренне обрадовало. Из-за занавески за мной следила краснощекая девочка, которая то украдкой поглядывала на мой автомобиль, то наглаживала жирного кота. Она была слегка полновата и шумно сопела, раздувая широкие ноздри.

Пообещав заглянуть на обратном пути, я выполз на свежий воздух и сразу начал чесаться. Эти никчемные спира-

ли от комаров бесполезны – меня всего искушали. Городок основали на болотистых топях, где свирепствовали назойливые насекомые.

На обочине столпилось немыслимое количество машин: кто-то остановился покушать, кто-то просто поспать, а кто-то отдохнуть и насладиться свежим дыханием весны. Наступают сумерки. Солнце слегка коснулось ровной линии горизонта и замерло – значит, скоро снова пора в путь. Достав сигарету, чиркаю зажигалкой и смотрю, как дым послушно извивается ручной змейкой. На природе всегда хочется много курить.

...Я сосредоточен, взгляд устремлен вперед. Волнение, азарт заставляют острее чувствовать дорогу.

За поворотом, прямо передо мной, выросла необычайной величины красная луна, на которой, если прищуриться, видны крупные кратеры. Она не освещает – она зияет настолько ярко, что блеск фар почти не различим. Зловещая картина. Привыкнув к темноте, я не хочу сегодня, чтобы наступило завтра... Усталость уже дает о себе знать, и я становлюсь раздражительным.

На небе загораются первые отблески рассвета, а где-то позади начинает светлеть. Бросаю вызов природе и хочу обогнать время. Никто мне не помешает, никто не остановит меня. Скорость – сто сорок километров в час, нервы на пределе. Слежу за *сутками* в зеркало заднего вида. Они догоняют.

Немного сбавляю темп, и глаза предательски слипаются. Меня трясет. Я не заметил, как съехал с асфальта на грунтовку, и подскочил на сиденье. Выравниваюсь и чувствую, как по ногам разливается приятное тепло, а по ступням бегают маленькие невидимые иголки. Где я? Все зашаталось, запрыгало, закрутилась какая-то сумасшедшая карусель. Где-то вдалеке показался силуэт девушки и снова пропал. Навстречу мне пыхтит бензовоз и моргает фарами. С чего бы вдруг? Очнувшись, я невозмутимо выкруливаю со встречной на свою полосу.

Преимущество и беда человека в том, что он не сдаётся без боя. Мы сами создаем себе трудности, чтобы потом с успехом их преодолевать. Очевидно, я заснул за рулем.

Табличка указывает на название маленькой деревеньки, и рядом знак, сообщающий о перекрестке, но я не замечаю его и проношусь мимо прямо в коричневую вязкую грязь. Скрипят тормоза. Чтобы остановить автомобиль, приходится приложить немало усилий. Выхожу и замечаю, что земля не очень мокрая – думаю, что смогу выкарабкаться. Включаю заднюю передачу и аккуратно трогаюсь. Я еще легко отделался: глушитель не оторван, бак не пробит – все в порядке. Один раз – случайность, два – совпадение, три – уже закономерность. Надо вздремнуть. Засыпаю я не сразу, а напряжение сходит очень медленно.

...Я лежу в машине посреди трассы и не двигаюсь. Все

меня объезжают. Что такое? Хватаюсь за руль и в спешке завожу мотор, чтобы поскорее убраться. Стоп! Это был только сон. Паника охватила меня на мгновение и тут же сменилась восторженным облегчением. Достая из багажника десятилитровую бутылку с водой и умываюсь. Нужно заправиться и позавтракать.

В кафе подают яичницу с сыром и томатный сок. В помещении больше никого нет. Я наслаждаюсь едой и радуюсь, что мне некуда торопиться: мирно сижу и любуюсь прекрасным утром.

Под Москвой местность холмистая, а из-за перепадов температур в низинах часто появляется сизая дымка. Дальше собственного носа ничего не разглядеть, так как противотуманных фар в конструкции заводом-изготовителем не предусмотрено. Все тащатся друг за другом с небольшой скоростью, и в итоге образовался гигантский затор, у которого нет ни начала, ни конца. В направлении столицы тянулись три ряда, а в обратном – только один. Как выяснилось, впереди к тому же случилась авария. На проезжей части лежало несколько укрытых зеленым целлофаном тел, а вокруг алено уже наполовину впитавшееся в почву пятно крови. Все было покрыто мелкими кусочками стекла. Врачи в белых халатах склонились к пострадавшим и колдовали в надежде совершить очередное чудо, такое привычное для них и такое необходимое для других. Проблесковые отражатели на фургоне скорой помощи служили путеводными маячка-

ми в иной мир, чей ярко-синий магический свет, возможно, и не давал людям умирать.

Колонна собралась очень внушительная, как будто железное механическое войско выступило против неизвестного врага. Справа от меня окопались коробки старых пятиэтажных домов поселка Красный Октябрь. Передвигаясь по метру в пробке, я увидел симпатичную рыжеволосую девушку на одном из множества одинаковых балконов. Она заметила мое любопытство и помахала рукой. На душе сразу стало как-то приятнее, хотя после дорожно-транспортного происшествия я по инерции не набирал больше ста двадцати километров еще около получаса.

Рязань. Сам не знаю зачем, но я сворачиваю по стрелке с надписью «Центр», стараюсь следовать по знакам главной дороги, но все же теряюсь. Город оказался небольшим, но поразительно чистым. Останавливаюсь, чтобы перевести дух и справить нужду, и замечаю, что случайно зарулил на территорию районной больницы. После пятиминутной перебранки дворник выгоняет меня за ограждение, орудуя колючей метлой.

Впереди маячат церковь, озаренная электрическим светом софитов, и небольшой парк с облезлыми скамейками, на которых летом гнездятся влюбленные парочки. Оказавшись на окраине я спрашиваю у водителя «газели», как мне попасть в Москву. Шофер презрительно бросил взгляд

на мой автомобиль и объявил, что я не доберусь на нем дальше границы области. Посылаю его к чертям собачьим и рассматриваю карту, а затем переваливаюсь через железнодорожные пути и выезжаю на нужную трассу.

Снова поток, вихрь... Асфальт уложен исключительно качественно и приятно шуршит под колесами. Чувствую, как меняется воздух, состав машин, стиль вождения. Пять полос в одну и столько же в другую сторону. Я очутился на Московской кольцевой автомагистрали. Съезжаю с развязки по направлению к Ленинскому проспекту и встаю на светофоре напротив жилого дома. Меня так и тянет заглянуть в чужие окна. Там у каждого своя жизнь, своя семья, свои проблемы, радости и горести. Люди здесь совсем другие, но, в сущности, большинство из них одинаковы. Автомобилей очень много. Издалека vyplывают бордово-красные стены Кремля. Он величаво смотрит на город, олицетворяя его могущество, стабильность и нерушимость, а внутри Царь-пушка и Царь-колокол отдыхают после трудного рабочего дня. Седой сторож мирно дремлет на стуле перед закрытыми дверями Оружейной палаты.

Александровский сад и Манежная площадь – вечные друзья, просуществовавшие бок о бок уже не одну сотню лет. Юрий Долгорукий взирает на них свысока, располагаясь посередине на своем бронзовом коне. Объезжаю всех и оказываюсь на Тверской улице с просторными тротуарами, которая стала теперь самой популярной среди туристов. Они ку-

да-то спешат и толкаются, еле-еле передвигая ноги и фотографируя абсолютно все на своем пути. Высоко на стене повесили громадный светодиодный экран с меняющимися рекламными роликами. Люди делают бешеные деньги в столице.

Не знаю, от чего именно, но у меня перехватило дух. В этот миг мне захотелось родиться москвичом, получать фиксированную заработную плату, жить в спальном районе в двухкомнатной квартирке напротив зеленого палисадника. Жена на кухне готовила бы ужин, а ребенок весело играл в своей комнате. И я радостный, поправившийся на несколько десятков килограммов, приходил бы домой, зная наверняка, что это мое! Больше никуда не надо бежать, не нужно что-то искать, убивать время до рассвета в кафе, просиживать в парке, пока дворник не начнет стучать ключами от калитки. И у меня наконец-то прошла бы бессонница. Да, я хочу этого и сейчас, и завтра, и через неделю. А потом? Не найдя в себе ответа, я побрел к автомату с горячими напитками, не переодеваясь, поскольку в салоне слишком холодно для этого. В раздумьях я бросил блестящие монеты в щелку ненасытного аппарата и выбрал двойной кофе с сахаром. Внутри началась бурная деятельность, и через минуту пластиковый стаканчик уже обжигал мои руки. Я поставил его на крышу автомобиля и безмятежно любовался вечерним таинством, в полной мере ощущая этот праздник жизни. В боковом стекле я заметил, что мои зрачки увели-

чилились, а щеки впали. Пора передохнуть. Я доехал до приглянувшегося сквера на проспекте Вернадского, повернул ключи и попытался расслабиться, глядя в беззвездное небо. Желтый свет от фонаря падал прямо на лицо. Устроившись поудобнее на правом боку, я глубоко зарываюсь в велюровое заднее сиденье.

Грохот подъемного крана на стройплощадке, расположенной вблизи, бесцеремонно разбудил меня, чуть взошло солнце. На ходу натягиваю обувь и отправляюсь в кафе, где сразу же забегаю в туалет, не успев сделать заказ. Официантка неодобрительно буркнула мне что-то вслед. Как же приятно умыться теплой водой. Проглотив пару бутербродов со шпротами, принимаюсь за салат. Хозяин приносит горячий чай с земляникой. Я расплачиваюсь заранее, прошу налить кипятка в стальной термос и минут двадцать курю, смакуя ароматный напиток.

Гремит радио. Музыка льется веселым ручейком. Сделав ее громче, я хочу взбодриться и задать хороший темп. Ритмы быстрые и задорные. Подыгрываю в такт мелодии на воображаемых клавишах фортепиано на руле. Я всегда мечтал научиться играть на пианино, но освоил только акустическую гитару. Нот я и вовсе не знал, а разучил порядка двадцати аккордов и подстраивал их в каждую песню. Получалось даже совсем неплохо, особенно если использовать метод перебора струн.

Утреннее движение всегда немного ленивое, разгоняться быстро не хочется. Становится заметно, как начинает меняться ландшафт: чернозем превращается в красноватый песок, высокая степная трава плавно перерастает сосны и ели, покрытые мхом, равнины все чаще пересекают полосы гор, вытянувшиеся в небольшие ряды. Они не пугают, а как гостеприимные хозяева провожают путников радушной улыбкой. Водители тоже ощущают эту метаморфозу и более четко соблюдают правила: грузовики вежливо уступают дорогу легковушкам, при обгоне никто не выскакивает перед самым носом, и не приходится резко тормозить. Встречные машины дальним светом предупреждают о притаившейся на трассе полиции. Аварийными огнями люди благодарят, если даешь проехать тому, кто торопится. Везде царит атмосфера дружды, взаимоуважения, и лишь изредка случаются локальные соревнования в мастерстве, которые обычно проходят без последствий.

На сотрудников дорожно-патрульной службы я нарвался примерно на сто тринадцатом километре от Москвы. Упитанный «гаишник» удивленно смотрел на меня, расправившись в полный рост.

– Как ты разогнался на ней до ста двадцати трех километров в час?

– Не стоит судить обо всем по внешнему виду. Внутри у нее горит огонь, к тому же я ехал всего сто пятнадцать ки-

лометров в час.

– Сейчас проверим

Государственный служащий вынул из-за спины похожий на фен прибор, фиксирующий скорость, на котором горело красным цветом число сто двадцать три.

– Вот и доказательство.

– Я вижу только цифры. Почему вы решили, что они относятся ко мне?

– Потому что я сам направлял радар на ваш автомобиль. Предъявите права. За это нарушение вы их лишаетесь, я выпишу временные, или вы что-то имеете против? – грозно добавил он.

– Покажите сначала ваши документы.

– Младший лейтенант Паркин, – он достал корочки министерства внутренних дел. – Пойдемте в мою машину.

Она стояла припаркованная у самой обочины, так, чтобы скрытно следить за проезжающими. Я проследовал за ним. Дело принимало серьезный оборот.

– Куда же вы так спешили?

– На срочные переговоры. Скажите, у вас есть технический паспорт вашего устройства? Я убежден, что ехал намного медленнее.

Полицейский покопался в бардачке и сунул мне бумажку, в которой производители заботливо указали погрешность измерения: плюс-минус пять километров в час.

– Вот о чем я вам и говорил, – я указал на нужную строчку.

Паркин вдруг покраснел, завел автомобиль и съехал по-
дальше от свидетелей, в кусты. Я огляделся, тут никто не мог
нас обнаружить. Страж порядка был достаточно крупный,
к тому же вооружен дубинкой и огнестрельным оружием.
Шансы на победу в рукопашной схватке у меня практически
отсутствовали.

– Ты что, умнее всех?! – заорал он.

– У меня есть конституционные права. Да, я совершил на-
рушение и готов оплатить штраф, но не лишиться водитель-
ского удостоверения.

– Здесь у тебя уже нет никаких прав. Ты превысил ско-
рость больше чем на шестьдесят километров в час и должен
ответить за это.

– Послушай, я же не просто так ехал именно сто пятна-
дцать километров в час. Я знал, за какое превышение меня
лишат прав, и специально держался в рамках этих показате-
лей. Если бы я мчался на десять или двадцать километров
в час быстрее, этого спора не состоялось.

– Ты не мужчина, что ли?

– Хороший вопрос, когда у тебя пистолет и специальная
подготовка, – сухо пробормотал я.

Лейтенант смерил меня взглядом, немного помолчал, на-
верное, задумываясь о последствиях.

– Сколько у тебя с собой денег?

– Немного.

– Короче говоря, с тебя немедленно тройной штраф,

и черт с тобой. Тысяча рублей.

– У меня нет столько.

– Ты еще торгуешься?! Ну, тогда в двойном размере.

– У меня только в одинарном.

– Никогда не встречал таких наглецов. Находится за тысячи километров от своего дома и говорит, что у него нет средств. Надо бы тебя проучить как следует.

– Попробуй, – вырвалось у меня. Мне надоел этот спектакль. В конце концов, не убьет же он меня.

Паркин оторопел. Такой дерзости он никак не ожидал. Ему представлялось, что я буду просить его отпустить меня и лучше больше заплачу.

– Давай сто рублей и катись.

Я протянул купюру и вежливо пожелал хорошего дня, на что тот только хмыкнул.

Отделавшись легким испугом, теперь я лучше слежу за потоком и притормаживаю в населенных пунктах.

Солнце начинает припекать. Я обгоняю бордовую «пятерку», по-моему, уже в шестой раз, за баранкой которой сидит пожилой мужчина, вцепившийся в нее обеими руками. На термометре магазина – «плюс двадцать восемь». Утоляю жажду горячим чаем. В таких случаях это лучшее средство, тем более за ним не пришлось далеко идти. Прямо у дороги женщины кипятили доисторические самовары, подбрасывая дубовые дрова в костер и обмахивая его листом плотного картона.

Валдай – это по-настоящему великий город. Отсюда берет начало одна из самых длинных рек России – Волга. Я долго не останавливался и стеклянными глазами поглощаю белую линию разметки, словно находясь под гипнозом. Вдруг я почувствовал, что автомобиль перестал отчетливо отвечать на нажатие педали газа. Через несколько минут из-под капота появилось облако пара, которое устремилось в салон. Только сейчас я обращаю внимание на датчик температуры воды в системе, стрелка которого перевалила за критическую линию и застыла в самом конце красного прямоугольника. Я горю и вынужден съехать с трассы. Открыв капот, я увидел, как пар вырывается на свободу и закрывает доступ к двигателю. Через некоторое время мимо проползает багровая «пятерка». Наблюдая за моим фиаско, водитель удовлетворенно улыбается и на прощанье машет мне рукой. Кричу ему вдогонку ругательства и бормочу их же себе под нос.

Когда радиатор немного остыл, я осмотрел повреждения и выяснил, что прохудилась прокладка водяной помпы. Поворачиваю ключ зажигания – машина лишь чихнула и тут же заглохла. Местные жители уже начали интересоваться необычным инцидентом. Один из них подошел ко мне и с видом бывалого знатока завязал разговор. Он был одет в красную рубаху в белый горошек и черные штаны, а на поясе красовалась замызганная веревка. По его мнению, единственный выход – это постоянно подливать воду в про-

цессе езды. Деликатно избавляюсь от него и «ловлю» попутные транспортные средства. Спустя пару часов мне удалось остановить новенькие «жигули», в которых ехал молодой парень. Он согласился подбросить меня до ближайшей деревни на буксире. Вместо музыки из колонок доносился сказ про Федота-стрельца. Честно говоря, я никогда не встречал такой записи.

Трос у меня стальной, сплетенный из множества длинных кусков проволоки, поэтому мы передвигались рывками. Псевдоэстет явно не подозревал, что ему предстояло вытерпеть. Красный как помидор, он чертыхался на весь мир. Внезапно у меня заблокировался руль, так как сработал защитный противоугонный механизм. Я забыл вставить ключ в замок зажигания. Меня начало тянуть на вторую полосу. Еще момент, и машина врежется в разделительное ограждение. В спешке пытаюсь достать ключ из кармана. На мое счастье, он был под рукой. Быстро вставляю его в замок, поворачиваю и выравниваю положение. С горем пополам мы добрались до заветной цели. Водитель «жигулей» отцепил крепление и, не сказав ни слова, скрылся из вида, а я, не успев его поблагодарить, отправился искать магазин запчастей.

Продавец сообщил, что помпы на мою модель у него нет, но предложил подождать возвращения владельца сервисной станции. Возможно, он сможет помочь. У меня не осталось другого выхода. Я сидел на капоте и вдыхал свежий деревенский воздух, заклеивая пластырем исцарапанные руки. Во-

круг раздавалось кудахтанье кур, из печных труб тянулся сизый дымок, и я сразу почувствовал запах только что испеченного пирога. Чумазные детишки гоняли палкой колесо от велосипеда вдоль старого забора, а в глубине поселения блестел гранитный памятник – самолет с мемориальной табличкой. Разлапистые клены и каштаны, казалось, охраняют его, бережно свесив огромные ветви на каменные крылья.

Солнце уже приближалось к границе горизонта, когда темно-синий «Форд-Скорпио» подкатил к деревянной калитке. Загорелый мужчина охотно взялся за ремонт, загнав автомобиль в свой двор. С минуту я сомневался, увижу ли его снова, но все же успокоился.

Я растянулся рядом, на траве, и долго разглядывал облака. Оказывается, они бывают такие разные: пушистые и рваные, серые и прозрачные, сплошные и тонкие – все грациозно и неторопливо плыли по голубому небу. Полная противоположность тому, что происходило на земле, но в этом было что-то притягивающее, от чего нельзя оторвать глаз. Я старался найти сходства и отличия, сравнивал каждое облако с какой-нибудь фигурой. Вот эта – медведь, а там – волк бежит за одноухим кроликом. Незаметно я задремал, но вскоре проснулся от звука работающего мотора. Это мой – я узнал его по характерному реву. Расплатившись, я получил в придачу пару бутербродов с маслом и докторской колбасой.

Тусклый месяц едва освещает тонкую линию асфальта.

Впереди меня на приличной скорости несется старенькая БМВ с наполовину оторванным глушителем. Железяка цепляется о землю и довольно эффектно извергает фонтан красно-синих искр. Через несколько километров я заметил на одном из столбов табличку с надписью «Радио» и указанием частот. Значит, Санкт-Петербург уже не так далеко. Включив приемник и настроившись на эту волну, я услышал как голос диктора рассказывает вечерние новости. Я уже не один! Он эмоционально поведал о вчерашнем падении цен на нефть и о новых поправках в конституции. Российское законодательство – очень гибкая штука.

Наконец раздается долгожданная музыка. Кассеты в магнитофоне я сменил раз по пять каждую и теперь радовался новым песням. Тем временем окрестности захватили темные силуэты длинных сосен. Они выпрямились в полный рост так, что их макушки вернее всего упирались прямо в звезды.

Внезапно пошел снег. Вот так сюрприз! Свое путешествие я начинал в футболке, высунув руку из окна автомобиля, а сейчас приходится включать обогреватель на полную мощность. Несколько теплых вещей я все-таки предусмотрительно взял с собой.

Выезжаю на Московское шоссе. Санкт-Петербург. На контрольно-пропускном пункте у меня проверили документы ипустили, пожелав хорошего вечера. Дорога упиралась в кольцо, в центре которого высился длинный узкий четы-

рехугольный обелиск, у основания которого – памятная надпись. Это площадь Победы, под которой, по слухам, находится братская могила воинов, павших в годы Великой Отечественной войны. А с виду там лишь небольшой музей.

Московский проспект. Справа мерцает красными светодиодами вывеска ГУМа, а рядом – вход в метро на станцию «Московская» и тут же небольшой проулок, в который я сворачиваю и останавливаюсь таким образом, чтобы кустарник на тротуаре закрыл автомобиль от взора любопытных пешеходов. Выхожу и сладко потягиваюсь, изо рта от холода идет пар. Чувство восторга переполняет меня, как в детстве, когда мама дарила долгожданную игрушку на праздник. Жаль, что их насчитывалось не так много. Зачастую нам не хватало даже на еду, поэтому каждый раз, когда удавалось что-то купить, родители особенно гордились. Я же не мог выпустить новую вещь из рук, лег спать, спрятав ее с собой под одеяло, а наутро первым делом мчался во двор, чтобы похвалиться и поделиться радостью с товарищами.

Полторы тысячи километров позади! Немного озябнув, я открыл багажник и надел свитер, затем поднял голову и поймал ртом пару снежинок. В четыре часа утра свет в окнах почти нигде не горел. Зачем я вообще сюда приехал? Как будто кто-то позвал меня. Только усевшись обратно в салон, я почувствовал сильную усталость, опустил солнцезащитные козырьки, спасаясь от желтого света уличных фонарей, разложил спинку водительского кресла и закрыл глаза. Из ще-

лей сильно сквозило, и мне пришлось проложить шерстяное одеяло вдоль дверцы. Мотор глушить я не стал, иначе мгновенно бы замерз, а лишь приоткрыл форточку, чтобы не задохнуться, и уснул почти сразу.

Надо мной свисало дерево с кроной, похожей на пирамиду, с четкими контурами треугольной формы. Природа превзошла сама себя, это явно ее проделки – на такой высоте ветки никак не обрезать. Рабочий день в самом разгаре. Я выключил перегревшийся двигатель, надел белые джинсы, кожаную куртку и отправился по подземному переходу в кафе на противоположной стороне проспекта. Мне захотелось освежиться и умыться с мылом. Большинство прохожих почему-то пристально рассматривали меня, а некоторые даже оборачивались, проходя мимо. Я остановился и оглядел себя: вроде бы, все в порядке. Неужели так заметно, что я из другого города? А быть может, я что-то упускаю. Вскоре я устал об этом думать, тем более что передо мной уже красовалась заветная дверь в уборную, которая была всего одна, в отличие от желающих туда попасть, так что пришлось выстоять очередь. Зато внутри позаботились обо всех удобствах, и мне удалось чуть ли не искупаться. Чистый и довольный я побежал к машине. Живот мой скрутило от голода. Я достал термос, остатки заготовленного провианта и позавтракал. Первый день в Северной столице следовало провести не спеша. Закурив, я вышел на улицу и спустился в метро,

где мой выбор пал на станцию с названием «Гостиный двор». Народу под землей скопилось много. С портфелями и сумками люди спешили по своим неотложным делам. Но тут они совсем другие, не такие, как везде, не похожие на однородное безликое стадо, и почти каждый человек чем-то выделялся.

...Прозвучала моя остановка. На поверхности я сразу же очутился у бесчисленных магазинов. Огромное количество женщин с горящими глазами перебегали с места на место в поисках добычи. Протискиваясь сквозь эту безумную армию, я выбрался на Невский проспект и направился к Адмиралтейству. Устроившиеся вдоль каналов лодочники агитировали покататься по Неве к Петровскому острову, но цены на речную прогулку кусались, поэтому пришлось отказаться от этой затеи. Женщина с мегафоном настойчиво зазывала всех желающих на обзорные экскурсии. Заманчивей всего прозвучало предложение открыть Петербург с колоннады, с высоты птичьего полета, но там так много ступенек и туристов, что идея сразу же показалась неудачной.

А вот и знаменитая фигурка чижики-пыжика. Птичка усе-лась под одним из мостов Фонтанки. Существует поверье, что если загадать желание и попасть монеткой в памятник, то оно исполнится. Монетка обязательно должна остаться ле-жать на камне. Проворные мальчишки барахтались в речке, несмотря на холод, и вылавливали деньги, пролетевшие ми-мо. Я не стал испытывать судьбу, так как мне не интересно

знать заранее, что уготовано свыше.

На следующем мосту притаились заядлые рыбаки. Они, словно каменные изваяния, застыли в сидячем положении, чтобы не испугнуть искушенных хищников. По большей части этим увлекались люди уже преклонного возраста со спиннингами советского производства. Улов в садке невыдающийся, но здесь важнее сам процесс, нежели результат. Старикам нравилось обсуждать друг с другом последние новости из мира политики, вспоминать вместе лихие деньки своей юности. Я с полчаса наблюдал за происходящим. На крючке – одни водоросли. Настоящая рыбалка – у меня в родных краях. Помню, проснешься рано утром, за окном чуть светает, а ты уже собираешься и едешь на электричке за город, на турбазу, где выдавали лодки напрокат. Очень крепкие, сделанные из стеклопластика, они прекрасно подходили для подвесного мотора. Как же это чудесно – в погожий день плыть по реке и слушать, как волны бьются о корму, а рядом ни единого человека, лишь крики чаек над головой. Я предпочитал ловить на спиннинг из-за того, что с его помощью шансы выудить внушительного размера экземпляр увеличивались многократно. Затем я высаживался на острове, купался, разжигал костер и готовил уху. Это тоже надо суметь. Самый лучший рецепт знал Альберт, егерь, живший в плавучем доме в одном из рукавов Волги. Он хранил его в строжайшей тайне. Лишь однажды мне удалось подсмотреть, как перед самой подачей котелка на стол он окунает

в него тлеющую головешку из костра. Там же, у Альберта, непременно стоит попариться в русской бане, растапливаемой дубовыми дровами.

Оскалив желто-серые зубы, мне улыбался Казанский собор. Нет, это вовсе не зубы, а колонны, пожелтевшие от старости и расположившиеся по всему периметру здания. Удивительный барельеф украшает верхнюю часть собора, которую заставили строительными лесами и реставрировали. Внутри все горело красными и желтыми цветами. Фотографировать со вспышкой запрещено, чтобы позолота не потускнела. Перед входом – огромная площадь, где любители живописи весьма абстрактно изображали свое виденье архитектурного стиля. Тут же, недалеко, молодые композиторы балуют ценителей музыки своими авторскими песнями. Свободных лавочек почти не осталось, влюбленные парочки заняли абсолютно все.

Переполненный божественным провидением, я вышел на дневной свет. Глаза не сразу отвыкли от темноты. Здесь, снаружи, все стало другим – очень спокойным и размеренным, исчезла всякая суета, а время обрело небывалую легкость. Я неторопливо побрел к заднему входу и обнаружил там уютный сквер с пустыми скамейками. Купив бутылку пива «Невское», я устало усаживаюсь на одну из них, выбившись из сил. Выглянуло солнышко, и мои мысли сразу стали разбегаться. Мне уже трудно сконцентрироваться. Сейчас я благодарен жизни за этот миг смирения и тепла, не со-

противляясь ему, а принимая. Где-то в ветвях поют соловьи, а под ногами неохотно тают последние следы уходящей зимы.

Отправляюсь дальше по Невскому проспекту и сворачиваю на Большую Конюшенную улицу. Там, в глубине, спрятался маленький ресторан, где я с удовольствием выпиваю чашку свежемолотого кофе. Стекла заведения прозрачные: видно тротуар и дорогу, посередине которой – узкий, но длинный парк. Дома с обеих сторон загораживают солнечные лучи и отбрасывают множество теней, подсматривающих за прохожими. Шпиль Адмиралтейства высится золотым кинжалом, пронзающим ненавистные тучи. Через Марсово поле, минуя Екатерининский сад, я вышагиваю на Английскую набережную. Весенний ветерок дует с Невы, донося нотки аромата скошенной травы и миндаля. Как же хорошо тут жить, под крышей, в одной из квартир с арочным окном с видом на водную гладь, и зарабатывать творчеством. Стихи мои печатают только в городской газете, да и то очень редко. Наверное, у меня совсем нет таланта.

Дойдя до Литейного моста, я разворачиваюсь, другим маршрутом направляюсь к центру города и наконец-то спускаюсь в подземку. Эскалатор похож на длинный язык, нелепо свисающий вниз. Немыслимо медленно тянется он к ровной поверхности. Поясница начинает ныть, и я уже мечтаю поскорее отдохнуть. В вагоне – давка и толчея. Я закрываю глаза. Мне чудятся разноцветные фигуры, как в детстве, когда

вертишь трубу-калейдоскоп. Стоило ее покрутить, и внутри оживали разноцветные многоугольники, квадраты и кружки, образуя абстрактные узоры, сочетаниям которых не было предела. Окутанный туманом усталости и волшебных превращений, я внезапно вздрогнул. Я сплю? В отражении стекла чудятся знакомые красивые карие глаза и две четкие линии темных бровей. С моего сиденья больше ничего не разглядеть. Я сделал кислую мину и начал зевать. Электрический свет ламп обычно немного искажает действительность. Я стал аккуратно проталкиваться сквозь чашу рук и плеч, чтобы меня не обнаружили. Нет, как будто все и впрямь наяву, не может быть. Это она. Широкая спина, загораживающая нижнюю часть лица девушки, направилась к выходу, и сейчас я абсолютно уверен, что не ошибся. Мою усталость как рукой сняло. Теперь я весь внимание и наготове, а на лбу появилась испарина.

Она посмотрела куда-то вниз. Я мельком взглянул на пол и не нашел там ничего выдающегося. Обернуться не получалось – тело отказывалось слушаться. Тогда я понуро уставился в стекло, не моргая, чтобы не отвлекаться ни на секунду. Вдруг наши взгляды встретились. Изумление, печаль, радость и даже страх одновременно промелькнули в этом взоре. На ее губах появилась таинственная улыбка. Я нервно дышал полуоткрытым ртом как паровоз, не рискуя пошевелиться. Узнала ли она меня? В поезде было очень шумно, поэтому момент не самый подходящий для того чтобы заго-

ворить, к тому же я не представлял, что вообще можно сказать. Как я оказался сегодня в Санкт-Петербурге?

Женский голос объявил название моей станции. Я услышал его где-то вдалеке, и там наверху стоял уже не мой автомобиль с иногородними номерами. Я превратился в жителя Санкт-Петербурга. Через две остановки Аня встала и пошла к дверям. На ней были черное замшевое пальто, светло-синие джинсы, спортивные черно-белые кеды и серый шерстяной платок на голове, а волосы элегантно уложены пышным «полухвостиком». Я последовал за ней, но держался на расстоянии нескольких человек, ощущая себя школьником, подсматривающим за одноклассницами, и от этого радовался еще больше. Аня резко обернулась. Я незамедлительно уткнулся в свои грязные кроссовки. Вагон выпустил своих пленников, и поток хлынул в каменные лабиринты бесконечных коридоров. Мне приходилось маневрировать, спасаясь от давки. На мгновение я отвлекся, чтобы спихнуть ботинок сорок шестого размера с моей ноги, и с ужасом понял, что потерял девушку из вида. Выпрыгнув на свободный пятак, я осмотрелся: толпы прохожих сновали из угла в угол маленькими кучками, как муравьи. Эскалатор или переход? Что выбрать? Бросаюсь на механическую лестницу, ведущую вверх, пролетая ступеньки через одну, как вдруг слышу позади свое имя с вопросительной интонацией и делаю удивленный вид:

– Роберт?

– Я опоздал?

– Не понимаю.

– Я проехал целых три лишних остановки, чтобы поговорить с тобой. Ты, наверное, здесь не одна?

– Вообще-то, Питер – мой родной дом, у меня тут семья.

– Что же ты тогда делала в городе N?

– Мы приезжали по социальной программе обмена опытом, для того чтобы поделиться с коллегами передовыми методами обучения английскому языку.

– Вот же болван, я подумал, ты новая преподавательница.

– Кстати, что ты забыл тогда в школе? Забирал ребенка? Среди всех посетителей ты был самый мрачный, я сразу тебя заметила.

– Скорее серьезный. У меня нет детей. Получается, я зашел, чтобы встретить именно тебя.

Аня застенчиво улыбнулась.

– Мы же почти не поговорили тогда.

– Не всегда нужны слова, чтобы понять это. Тебя просто разрывали на части счастливые родители.

– Я очень увлеклась работой. Какими судьбами ты в Санкт-Петербурге?

– Я с юных лет мечтал очутиться в Северной столице весной, в зрелом возрасте, чтобы не торопясь насладиться прекрасными видами Невы, неповторимой архитектурой, разводными мостами, но не думал, что мне повезет найти такую особенную достопримечательность.

– У нас очень красиво. Давно ты тут? Уже везде побывал?

– Нет, еще почти никуда не успел, а приехал только вчера и уже понимаю, что попал в чью-то сказку, которую переписываю сам.

– Звучит романтично.

– Главное – перейти от слов к делу.

– Ты знаешь, как добраться до Казанского собора? Я завтра работаю недалеко и освобожусь где-то около четверти шестого. Если хочешь, покажу тебе окрестности.

– А сегодня ты занята?

– Меня ждут дома, да и поздно уже.

– Тогда с удовольствием воспользуюсь твоим предложением.

– Приходи к входу. Начнем экскурсию оттуда, – Аня подмигнула мне.

Мы вышли на свежий воздух и перешли улицу по светофору. Я заметил, что она побаивается автомобилей. Через несколько минут подполз старенький автобус, следующий до аэропорта Пулково.

– Мой транспорт прибыл.

– Не очень-то похож на карету.

– Зато там есть обогреватель.

– Практично. Давай я тебя провожу.

– Не стоит. Ты наш гость. Тебе противопоказаны тридцать минут тряски.

Аня ловко вскочила на подножку и скрылась в общей мас-

се пассажиров. Я продолжал следить за ней и увидел, что она машет мне рукой на прощанье. Колымага тронулась. Очнувшись от ступора, я хотел ей ответить, но было уже поздно — от автобуса не осталось и следа.

Не помню, как мне удалось дойти до машины. Дороги, казалось, вообще не существовало. Я ничего не видел на пути и каждые сто метров спрашивал, как добраться до станции метро «Московская». Я пребывал в странном состоянии прострации, как будто выпил пару бутылок вина. Теплая волна эйфории чередовалась с легким ознобом. Улыбка периодически сама собой появлялась на лице. Я попытался вспомнить Анины черты, но не смог. Передо мной маячил лишь размытый силуэт. Я старался успокоиться и держать себя в руках. Мне даже понравилось, что пришлось приводить себя в чувство, потому что я до конца не верил в происходящее со мной, а эмоции быстро исчезнут, если их долго удерживать. Мы часто забываем свои мечты, так как боимся, что они не сбудутся, или, еще хуже, наоборот, случайно осуществятся.

Приземлившись на автомобильное сиденье, я включил зажигание. «Старушка» не заводится. Черт! Как же холодно! Пытаюсь некоторое время повозиться с проводами, но только отмораживаю себе пальцы. Спать внутри, пусть даже в одежде и под одеялом, невозможно, поэтому я собираю необходимые пожитки и решаю попытать счастья на вокзале. Там еще должно работать центральное отопление. Его от-

ключают ближе к концу апреля, когда температура за стенами около недели держится выше десяти градусов тепла.

Последним рейсом маршрутка отвозит меня на Московский вокзал, рядом с которым жужжала какая-то живая улица, где насажали много ларьков и киосков. Там продается абсолютно все, начиная от булавок, заканчивая шаурмой и водкой на розлив. Весь скарб вывалили прямо на асфальт, а любая вещь стоит всего двадцать рублей. Женщины с тележками взяли развал в плотное кольцо, не попуская чужаков на расстояние выстрела.

Захожу в главное здание и изучаю расписание поездов. Мне приглянулся триста восемьдесят седьмой номер до Сочи, стоящий на первой платформе. На юге сейчас тепло и солнечно. Купаться, разумеется, еще нельзя, зато можно поваляться на пляже и позагорать, вытянувшись на циновке и обедаясь фруктами, а потом прогуляться по дендрарию, фотографируя экзотические растения. На перрон набилось много людей. Пирожки и рыба пользуются особым успехом. Я усаживаюсь на деревянный парапет, закурываю и погружаюсь в воспоминания. Город оказывает на меня завораживающее действие, вызывая самые разнообразные чувства. Тут забывается прошлое и рождается будущее, тут живешь одним днем.

Устав от самого себя, я побрел в зал ожидания. Батареи на самом деле все еще горячие, но вот сиденья у скамеек сделали совсем неудобными, с железными креплениями по три

штуки без перемычек. Целиком мне не поместиться, но если поджать ноги, будет возможность хоть как-то улечься. Я взял с собой документы, ключи, деньги и поэтому устроился подальше ото всех, чтобы избежать кражи. Подложив рюкзак под голову, я отвернулся лицом к стене. Необработанные края металлических шурупов больно впивались в тело. В нескольких креслах от моего лежбища поселился сосед в рваных лохмотьях, от которого несло гнильем и тухлятиной.

Только я приспособился, как покой нарушило чье-то громкое приветствие, прямо у меня над ухом. Сотрудник охраны вокзала, выпучив глазенки, насмешливо улыбался.

Он был похож на симпатичную лягушку, на которой фуражка казалась слишком громоздкой.

– Вечер добрый. лейтенант Кащенко. Ваши документы, будьте любезны.

– Пожалуйста, вот мои права и паспорт.

– Город N?

– К сожалению.

– Неужели у вас там так плохо?

– Да нет, но разве где-то может быть лучше, чем в Питере?

– Пожалуй. А что на вокзале спим?

– Дело в том, что я приехал сюда на машине. Она уже «немолодая» и сломалась, не выдержав больших нагрузок. Починить ее я не успел, а без печки можно околеть.

– Это же Северная столица.

– Я выезжал из своего южного города в одной футболке, а тут снег и мороз.

– А еще тут много гостиниц.

– Не сомневаюсь, но денег на них не хватило из-за поломки, – соврал я.

– Неприятная ситуация.

– Мне самому очень неудобно, но я всю жизнь мечтал побывать в Санкт-Петербурге, погулять здесь хоть пару дней и обойти все достопримечательности, какие только возможно.

– Город по-настоящему преображается перед 9 Мая и летом, когда наступают белые ночи.

– Я надеялся, что это не последний мой визит, поэтому решил не простывать в холоде.

– Ладно, можешь остаться, путешественник. Но следи, чтобы без происшествий.

– Обещаю не ввязываться в истории.

– Все так говорят. Держись подальше от бомжей. Вещи частенько пропадают после таких ночевок.

– Спасибо. Я сплю в обнимку с сумкой.

– И правильно. Сколько ты хочешь пробыть здесь?

– Всего лишь до утра.

– Если ремонт затянется, лучше приходи в приют на Адмиралтейском проспекте. Там тебе предложат постель и ужин, а здесь ежедневно меняются патрули, и в любой момент есть риск оказаться на улице.

– Спасибо еще раз, я не доставлю неприятностей и, когда поменяю высоковольтные провода, сразу же уберусь.

Он протянул мне мои документы и отдал честь.

С трудом избавившись от непрошеного гостя, еще минут двадцать я ерзаю на стальной постели, потом мне все-таки удастся задремать.

Рассвет застал меня врасплох своей неотвратимостью. Я уже успел порядком испачкаться и заплатил пятьдесят рублей за час пребывания в комнате повышенной комфортности с душем и туалетом, где побрился, причесался и поменял одежду. Водные процедуры улучшили мое настроение. Довольный, я уплетаю четыре рогалика с повидлом у стойки бара, запивая их ромашковым чаем. Новый день распростер свои щедрые объятия. Я с удовольствием прогуливаюсь по незнакомым улицам. С утра мне всегда немного лениво и сейчас некуда торопиться, так как встреча с Аней только вечером. Мое внимание привлекла вывеска музея шоколада. Экспонаты тут сделаны из настоящего шоколада и тематически расставлены в разных углах. Коня, карету, дом Белоснежки и даже «семь гномов» можно преспокойно съесть. От загребущих лап посетителей их спасают только заградительные стойки. Темно-красные тяжелые портьеры весьма кстати закрывают путь единственному нежеланному гостю – солнцу. Без них пришлось бы продавать уже не фигурки, а чашки с теплым какао. Однако цена придает лакомству

горький привкус.

Я встаю в очередь за конфетами в прозрачной обертке с синей тесемкой, чтобы преподнести их Ане. Если уж что-то покупать, то дорогое и качественное. Сам бы я обошелся ирисками в первой же кондитерской. Близился мой черед расставаться с измятыми в кармане бумажками, как вдруг передо мной в цепочку вклинилась девушка в черном платке и кашемировой юбке. Я было открыл рот, чтобы возмутиться, но она непринужденно посмотрела в упор, улыбнулась и с легкостью произнесла: «У вас очень красивые глаза». Это выбило меня из колеи, так что мне расхотелось ругаться. Ни приветствия – ничего. Я смутился, немного покраснев, и промолчал, подумав в очередной раз, насколько сильно отличается культура общения в этом городе. Самое главное, даже не столько эта разница, сколько простота и непосредственность, с которой все происходит.

С кульком сладостей в руках я бодро зашагал в сторону Лиговского проспекта, который упирался в Триумфальную арку. Город-герой часто напоминал, что ему пришлось пережить в годы Второй мировой войны, когда нацистская Германия несколько лет осаждала Ленинград. На ум приходили слова «честь», «достоинство», «отвага», «жертва». Если бы люди только знали тогда, во что превратится сегодня жизнь. Не за это они сражались. С горечью теперь ветераны глядят на нас, на дорогие импортные автомобили, на государство, на воровство, на убийства, на современную молодежь, расту-

щую в эпоху жесткости и безнравственности. Мы изувечили все то, чем гордились. Пали нерушимые идеалы. Кто в наши дни пошел бы на войну? Большинство бы сбежало от нее, как от проказы, но мне хочется верить, что остались единицы, которые будут защищать свободу, наши семьи, чтобы начать все сначала. Они смогут объяснить своим детям истинное значение тех слов, дадут почувствовать, что такое равенство и братство, окунут их в мир, где нет преступлений и насилия, а есть доброта и понимание, труд и заслуги, справедливость и понимание, человечность и взаимопомощь. Возможно, сейчас это звучит как утопия, а у нас есть лишь настоящее. Нужно приспособливаться, привыкать, учиться выживать в условиях естественного отбора и находить что-то хорошее в плохом. Война еще непременно разразится – слишком много грязи скопилось, и ее надо смывать. Смывать кровью. И в конце концов настанет новый виток истории с другими жизнями, проблемами и радостями.

Мои рассуждения бесцеремонно прервало изображение аппетитной тарелки с супом, прилепленное на одном из ветхих домов. Половина Лиговского проспекта осталась позади. Я поднялся на второй этаж студенческой столовой, за столиками которой сидели школьники, солдаты и бродяги. Я взял холодный борщ, картошку-пюре с тефтелями, салат с неизвестными ингредиентами, четыре куска хлеба, компот и одну бесплатную салфетку. Каждая последующая стоила бы денег. Плачу в кассу и усаживаюсь у окна. Обед выдался на сла-

ву и удивительно дешево обошелся. Аню, конечно, не следует сюда приводить, но я запоминаю ориентиры, чтобы в следующий раз легко найти дорогу. Ветер усиливался, и я надел вязаную шапку из рюкзака, которая забавно надулась на голове, расправив маленькие рожки от складок по бокам.

Мы условились встретиться у Казанского собора в шесть вечера, пока еще не стемнело. Я крадучись подошел к маленькой площади за пятнадцать минут до назначенного времени. Обычно я всегда опаздывал, но в этот раз изменил себе и заранее все спланировал. Из рта у меня плохо пахло, так как зубы чистить было особенно негде, а курил я как паровоз. Рядом со мной стоял парень лет шестнадцати, у которого я и позаимствовал жевательную резинку. Он очень удивился моей просьбе, но быстро все понял.

Повернувшись к турникетам, я увидел Аню. Она выглядела точь-в-точь, как вчера, только как будто еще больше похорошела за сутки. Глаза ее сияли. В них отражался весь мир: и молодость, и отчаяние, и бессонные ночи, и мудрость. Все померкло рядом с ней, а мысли развеялись.

– Привет. Хорошо, что ты пришел, Робби

– По-другому и быть не могло. Это тебе, – я протянул ей пакет с конфетами.

– Спасибо. Пойдем прогуляемся и вместе их скушаем. Погода замечательная.

– Я кивнул.

– Как ты устроился?

– Снял номер в гостинице в спальном районе, – солгал я.

– Как она называется?

– Я не заметил названия. Там очень уютно, а из окна открывается потрясающий вид. Излишества мне не нужны... зато есть все удобства.

Придумывать получалось на ходу. Зачем я врал? Это получилось само собой. И кроме того, не мог же я сказать, что спал на вокзале.

– Ты любишь путешествовать? Ты говорил, что бывал во многих странах.

– Я сдвинул брови и усердно пытался вспомнить, что же я тогда наплел.

– Да обо всем и не расскажешь.

– Вокруг света?

– Не то чтобы... – корабль снова понесло по волнам в море фантазии. – В Сингапуре, Таиланде, Франции, Испании.

Я стал описывать разные города и достопримечательности, людей и их нравы, автомобили и мотоциклы, голубые лагуны и скалистые бухты. О многих странах я прочитал в книгах, а что-то поведал мне Артур, побывавший в юности на соревнованиях за границей.

Аня слушала с благоговением и неподдельным интересом, перебивая очередную историю вопросами. Мне нравилось, что она полностью погружается в эту сказку, отдаваясь ей до самых кончиков пальцев. По изгибу ее шеи пробегали му-

рашки, и кожа становилась похожа на гусиную, когда пираты у берегов Сингапура захватывали судно и брали пленных. А иногда мне казалось, что это уже она сама лежит на золотистом песке Италии, близ бухты Капри, бултыхая ногами в голубой воде. Я с улыбкой следил за каждым мускулом на ее лице, меняя интонацию голоса, чтобы создавать эффект неожиданности. Тем не менее запас слов был исчерпан.

– Как здорово! Хочешь, сходим сегодня в Эрмитаж?

Я колебался, так как планировал побывать там один, чтобы хорошенько все изучить, сделать записи, заглянуть в столовую и затратить минимум полдня. Что мы успеем обойти за пару часов?

– Давай, – я, наконец, определился. – А чем ты занимаешься в Питере? Как живешь?

– Сейчас я прохожу курсы повышения квалификации и подрабатываю в школе учителем английского языка. А еще, еще я рисую. Люди, дома, деревья словно замирают на время у меня в глазах, а потом снова оживают на полотнах.

– Давно у тебя такое увлечение?

– Я попробовала несколько лет назад и загорелась. Сначала не все получалось, но с каждым разом линии становились прямее, а контуры четче. Для этого нужна усидчивость и вдохновение. Когда заставляешь себя работать, сразу видно, что эскиз слишком надуманный. Необходимо почувствовать воображаемую черту между реальностью и выдумкой.

Эмоции должны подсказать, как правильно повернуть кисть или выбрать цветовой оттенок.

– Ты рисуешь все подряд?

– Да, наверное. Я могу написать пейзаж или просто черкать карандашом на ватмане беспорядочные фигурки. Персонажи чаще сами меня находят. Недавно мне удалось взять несколько уроков у известного художника, а потом он пригласил меня на свидание, и я решила больше не заниматься с ним.

– Почему ты отказалась?

– Он хороший мастер, но ужасно заносчивый, чересчур ухаживает за собой, как женщина, и вдобавок совсем несимпатичный, даже отталкивающий.

На мгновение я пожалел, что спросил.

– А школа тебе по душе?

– Там весело. Вокруг только дети с их проблемами и переживаниями. Иногда мне так смешно их слушать. Они постоянно делятся своими мыслями, просят дать совет, а девчонки сплетничают о мальчишках, надевают яркие вещи и красятся, чтобы им понравиться. А те кривляются друг перед другом, пытаясь показать, какие они взрослые. Мы часто проводим занятия на свежем воздухе, ездим в парки и к карьере. Они стали мне как родные. Сама школа находится в авиагородке, это такой район на окраине Питера. Вообще-то, он называется Московский, но мы привыкли по-своему.

– А почему авиагородок?

– Потому что в самом центре находится аэропорт Пулково, а по соседству построили летную академию, гостиницу для пилотов и три развлекательных комплекса с магазинами. Там вот мы и живем и после уроков часто встречаемся на улицах по несколько раз за вечер. Молодежь гуляет кучками, но обычно все проходит тихо и мирно, и мы с братом стараемся не отставать.

– У тебя есть брат?

– Даже два. Один родной, ему тридцать пять, а другой сводный, Алекс, совсем еще ребенок. Ему всего пятнадцать, он учится в классе, где я руководитель.

– Здорово. Тебе, наверное, не приходится скучать ни минуты.

– Это точно. Вот, в конце будущей недели заезжаем в новое помещение, где будут продаваться мои авторские футболки и картины. Арендная плата в больших помещениях намного меньше.

– Так ты еще и дизайнер?

– Да, – она мечтательно улыбнулась. – На мой взгляд, это очень перспективное направление. Мне доставляет удовольствие выбирать хорошие вещи и делать их эксклюзивными. У нас в стране так мало людей с хорошим вкусом, и большинство одеваются как попало. Вот впереди идет мужчина в брюках на несколько размеров больше, чем нужно на самом деле, а эта женщина напялила на себя какой-то мешок.

И самое ужасное – они этого не замечают.

Я невольно осмотрел видимую часть себя. Сколько лет джинсам? Кажется, около четырех.

– Здорово, если бы получилось создать свою собственную линию одежды и развивать ее, проводить дефиле, участвовать в выставках. Алекс помогает с ремонтом: красит стены, прикручивает всякие полочки и расставляет стеллажи.

– У вас полно работы. Ты действительно творческий человек.

– Спасибо. Я еще пыталась писать о Питере и даже отослала свой рассказ на литературный конкурс.

– И как результаты?

– Его не опубликовали, а я так старалась.

– Не расстраивайся. Они наверняка ничего не понимают в прозе, а о чем он?

– О городе и девушке, которая искала что-то настоящее и ценное.

– Это ты?

– Не совсем. Потом сам скажешь, похожа она на меня или нет.

– Хорошо.

Мы подходили к парадному входу Эрмитажа.

– Тебе сейчас хочется туда? – спросила Аня.

– Наверное. А тебе?

– Давай сбежим отсюда. Сегодня интеллигенты и туристы нагоняют на меня тоску.

Мне показалось, что она развеселилась, и в голосе появились озорные нотки.

— А куда?

— Да куда угодно. Например, пойдем на другой остров, через мост.

Она вприпрыжку побежала к парку, увлекая меня за собой. Ее рука очень приятная на ощупь, но сильно замерзшая. Вроде бы, ничего особенного не произошло, но я почувствовал, как внутри, словно снежный ком, нарастает странное волнение.

Холодный воздух ощущался в легких тяжелой гирей. Я обернулся. Кладезь мировой истории остался позади и задумчиво смотрел нам вслед. Какие секреты он хранит?

Аня как ребенок носилась вокруг меня, толкаясь и смеясь. Это какая-то игра вроде «догонялок», но мне никак не удавалось дотронуться до нее. Я сосредоточился и слышал приближающиеся сзади шаги. Извернувшись, я схватил и сжал ее как удав, и, оказавшись напротив нее, все остальное исчезло. Этот эффект уже начал пугать меня. Аня ослабла, повиснув на моих плечах, и пристально посмотрела на меня. Я коснулся ее губ своими и как будто ощутил очень нежный, сладкий, дорогой, с горчинкой, напиток. Мы простояли так, пока не начали замерзать. Юркнув в подъезд ближайшего дома, мы скрылись от ледяного северного ветра и посторонних глаз. Наши тела дрожали от холода и волнения. Если бы она спросила, я бы сказал, что люблю ее. Но каждый пони-

мал, что сейчас тишина дороже любого сокровища.

Рядом раздался какой-то шорох, и по лестнице вниз стрелой прошмыгнула самая что ни на есть настоящая крыса. Аня вздрогнула от испуга, и мы рассмеялись. Реальность вновь обозначила себя. Не знаю, вовремя это случилось или нет? Сколько часов прошло в этом уголке мира? На улице уже почти стемнело. Ей надо возвращаться. Я поймал такси, и оно понесло нас через весь город, мимо разноцветных витрин и магазинов, памятников и соборов. В окнах домов зажигался желтый свет, и жизнь медленно перемещалась в теплые квартиры и уютные кафе, где ждали родные и друзья, душевные разговоры и новые знакомства. Мне захотелось заглянуть за эту занавеску гармонии и непринужденности.

Мы ехали, обнявшись на заднем сиденье, болтая обо всем на свете. Теперь я ничего не чувствовал, и только надвигающаяся ночь манила меня своими пестрыми крыльями. Одиночество незаметно во тьме подкрадывалось ко мне со всех сторон.

Вокруг ничего не было видно, когда автомобиль остановился у дома номер пять на улице Взлётной. Я попросил водителя подождать и проводил Аню до подъезда, который она называла парадной. У коренных петербуржцев очень необычный диалект. Произношение некоторых слов можно услышать только здесь. Многие ученые считают феномен пережитком прошлого, но мне представлялось это частью истории, отличительной особенностью, которую, несомненно,

надо сохранить.

– Мне очень понравился этот день, и я хочу преподнести тебе один очень ценный для меня подарок, – сказала Аня.

– Какой? Да, отлично прогулялись.

– Потом узнаешь. Ты долго пробудешь здесь?

– Около недели... А впрочем, как получится.

– Позвони мне по этому номеру, как сможешь, – она протянула мне листочек, на котором нацарапала цифры.

– Хорошо.

– Буду думать о тебе.

– Я тоже.

– Осторожнее, пожалуйста.

Я поцеловал ее и быстрыми шагами направился к транспорту. Водитель всю дорогу разглагольствовал о знаках зодиака, их совместимости и прочей ерунде, убеждая поверить в предсказания астрологических прогнозов. Его, по-видимому, мало интересовало мое молчание в ответ, и он невозмутимо продолжал, словно говорил сам с собой. Я вышел у магазина с запчастями и приобрел там новые высоковольтные провода для свечей зажигания. После хитрых манипуляций мотор наконец заработал. У меня отлегло от сердца, мой вечер только начался. В небольшом киоске за углом я купил чай, блины с мясом и с картошкой. По вкусу они напоминали домашние и таяли во рту. Сейчас, когда я снова один, и нет никаких обязательств, когда можно спокойно расслабиться, и моего звонка ждет красивая девушка, когда от меня зави-

сит, что будет дальше, когда сидишь вот так, сняв обувь и закинув ноги на руль, ощущается вся прелесть существования. Это, пожалуй, самый лучший момент, ради которого стоило ехать так далеко и спать на вокзале с бродягами по соседству. Или это уже настоящая жизнь, а вовсе не существование? Эмоции кипят и убегают, словно молоко из кастрюли на конфорке газовой плиты. И что она нашла во мне? Может, дело совсем не во мне? Но разве это имеет значение, когда за спиной у Ани два таких прекрасных крыла?

Мне предстояло найти место для ночлега. На Гражданском проспекте, около станции метро «Академическая», по рассказам Артура, должна скрываться недорогая гостиница. На всякий случай он дал мне ее адрес, потому что отыскать ее, не зная города, было бы непросто. Отель занимал несколько этажей в старой высотной свечке. Неоновая вывеска, видимо, уже давно не горела, а буквы на ней стерлись и поблекли. Сонная консьержка зарегистрировала меня на седьмом этаже, забрав аванс сразу за трое суток. Номер напоминал кладовую комнату с удобствами: раковиной, унитазом и горячей водой, и только душ находился в конце коридора. Я затащил свою сумку и рухнул на кровать, которая поприветствовала меня мелодичным скрипом.

На следующее утро я привел себя в порядок, искупался, разобрал некоторые вещи и открыл окно: оттуда пахло весной. Мне удалось забраться на подоконник и свесить ноги

наружу – от высоты засосало под ложечкой. Сорваться вниз совсем несложно. На миг я вдруг понял, как сильно мне хочется жить. В городе N я часто размышлял, зачем и для чего появился на свет, как принести пользу, кому я нужен и есть ли во всем этом хоть какой-нибудь смысл. Пару раз я даже подумывал свести счеты с жизнью. Каким же я был юным глупцом, отчаянным, безрассудным трусом. Что же помешало мне, ведь тогда все стало бы таким простым и понятным. Там, внизу – мое настоящее и будущее. Это все, что мне требуется знать.

Горячий утренний кофе обжигал обветренные губы. В кафе, в вестибюле, я позавтракал яичницей с беконом и бутербродом с джемом. Вчера мне бросилось в глаза объявление о проведении книжной ярмарки, и я решил туда навестись.

Огромный сквер целиком заставили шатрами с разной литературой и периодикой за полвека. Пространства отчаянно не хватало, и перевязанные шпагатом тома книг валялись прямо на мокром асфальте. С покупателями дело обстояло совсем скверно. Основной контингент клиентов состоял из бедных студентов и пенсионеров, а цены снизили до минимума. Например, все собрание сочинений Достоевского продавалось всего за девяносто рублей. Ветер с Невы не давал никому поблажек, хотя солнце старалось согреть нас искусственным теплом. Мне приглянулся роман Жана-Поля Сартра «Тошнота», и торговец предложил обмен. С собой

я принес книгу Ремарка «Искра жизни», которую знал почти наизусть, и охотно согласился. Мы подписали обложки и распрощались.

«Многим эта книга не нравится, они говорят, что слишком нудно, слишком серо, слишком абсурдно. Но это одна из лучших работ Жан-Поля Сартра, по крайней мере основополагающая, раскрывающая нам самого Жан-Поля, а может быть, и что-то в нас... Но даже если она не понравится, может, она хотя бы обратит внимание на другие работы Жан-Поля. Санкт-Петербург». Дата и подпись.

Вдохновение сегодня улетело с кем-то другим, так что мне не хотелось даже слышать об искусстве. Иногда перенасыщаясь ощущением одухотворенности и становишься равнодушным ко всем великим творениям. Это как наркомания, когда есть шанс попасть в зависимость. В этот миг что-то меняется в тебе, ломается, и можно угодить в большую пустую яму, где лишь ты, твои мысли и воспоминания. Неприятная штука. И это только один из возможных вариантов, поэтому надо учиться получать удовольствие от более простых вещей.

Я нашел телефонную будку и набрал номер Ани. Трубку долго не брали, как вдруг послышалось шелканье, а затем знакомый голос. Мы договорились встретиться у метро «Сенная площадь». Я залез в автомобиль, включил музыку и в ожидании неизвестности поехал к условленному месту.

Огромный торговый комплекс блестел и переливался своими стеклянными башнями. Они сверкали в сумраке наступающего вечера и, изящно маскируясь, принимали цвет серого неба. Новые строительные технологии, позволяющие не нарушать целостности сооружения, стоили очень дорого.

Я купил букет цветов и стал ждать. Чувства радости и гордости переполняли меня. Рядом, у входа, перекупщики продавали часы и золото, а мужчина-плакат предлагал поменять иностранную валюту по выгодному курсу. Я вдруг увидел всю размазанную картину моих действий другими глазами и показался себе жалким с этими растениями в руках. Мне чудилось, что я должен здесь находиться. Точка возврата пройдена. Процесс запустился и стал необратимым, как таймер обратного отсчета на взрывном устройстве. Сколько же минут там осталось? Но теперь не все зависело от меня одного. Куда же заведет этот круговорот событий? А может быть, это всего-навсего гнусные проделки судьбы, ведь каждый человек нужен только до того, пока не исполнится его предназначение. А дальше? Лавировать по течению? Или люди придумали такую теорию, чтобы обрести цель, чтобы меньше бояться конца, ведь смерть – это всегда страшно, не думать о ней невозможно. Подобно собственной тени, она всегда недалеко, всегда за спиной. Стоит только оступиться или забыться, как она незамедлительно напомним о себе. И человек сражается, бьется до конца, даже понимая, что шансов нет. Редко кому хватает сил уйти непобежденным и не обре-

менять своих близких.

Я стоял, облокотившись на перила, с отсутствующим взглядом; и только когда лицо Ани очутилось прямо перед моим, я очнулся и вспомнил про цветы. Она пощекотала меня и обняла как-то по-детски.

– Прости. Это тебе, – я протянул ей ромашки.

– Спасибо. Что-то случилось? Ты какой-то отрешенный.

– Нет, все в порядке. Задумался о работе, – выкрутился я.

– И что с ней?

– Предстоит многое сделать. Новые проекты уже в стадии реализации, а времени так мало. Ты не замечала, что оно всегда идет с разной скоростью?

– Да, наверное. Но пусть сейчас оно тянется, чтобы все успеть и подольше побыть вместе.

– Ты, как всегда, права. Куда сходим?

– Пойдем в торговый центр, заглянем в магазины и поищем скидки на одежду. Устрою тебе авторскую экскурсию, – она улыбнулась. – Там же и перекусим.

– А ты проголодалась?

– Немножко.

– Тогда в путь.

Она взяла меня за руку и потянула вперед. Супермаркет изнутри оказался еще больше, чем я представлял. Пять или шесть этажей с магазинами, закусочными, боулингом и даже кинотеатром. Здесь было абсолютно все и на любой вкус. Мы заходили в бутики один за другим. Аня щупала вещи,

проверяя их качество, изучала ценники, прикидывала на себя, а некоторые из них примеряла и выходила покрасоваться. Мне стало очень приятно. Я почувствовал себя богатым, успешным и семейным человеком. Какой контраст ощущений! Мне захотелось купить ей что-нибудь, и хотя Аня всячески сопротивлялась, но все-таки выбрала черную шерстяную кофточку, цена которой сократила мое пребывание в Петербурге еще на несколько дней. Вприпрыжку по бесконечным переходам мы долетели до кафе, и съели там по бутерброду с тунцом и зеленым салатом, запивая все томатным соком. Я глазел на улицу и на надвигающиеся тучи через прозрачные стены, наблюдая за крохотными людьми, спасающимися от непогоды.

Подкрепившись, мы решили сходить в кино, и я купил билеты на фильм с романтическим названием. Свет погас. Ноги у меня гудели и разваливались на составные части. Почему-то от посещения магазинов устаешь намного больше, чем от хорошей тренировки. Немного посмотрев начало, я устроился поудобней и случайно уснул, а через час заметил, что Аня плачет, глядя на экран. Я пошутил над ней и следом же начал успокаивать. Слезы быстро высохли. Она хорошо умела контролировать себя, но не стала говорить, в чем дело, сославшись на эмоциональную концовку.

Был поздний вечер.

– Может, посидим еще немного, выпьем чего-нибудь горячего? Для такого вечера подойдет старый добрый глинт-

вейн, хотя, наверное, они не умеют правильно его готовить.

– Да? А как надо?

– О, это целая наука. Меня однажды научил мой приятель-гробовщик.

– Ужас. Ты работал на кладбище?

– Да нет, просто знакомый. Они там частенько приободряются горячительными напитками.

– Я бы не смогла там находиться.

– Их заставляет нужда, и, кроме того, платят там отменно, так как немногие горят желанием заводить знакомства с мертвецами.

– Кстати, ты так и не сказал, где остановился. Давай там и сделаем его!

– Хорошая идея. Только купим по пути все волшебные ингредиенты.

Мы приобрели пару бутылок красного сухого вина, апельсины, лимоны, корицу, мед и отправились ко мне. Спиртовку я всегда возил с собой в багажнике.

Она перевернулась на живот. В лунном свете спина и плечи казались посеребренными. Я сидел у окна и курил.

– Налей, пожалуйста, мне еще. Я наполнил два стакана.

– Как тебе глинтвейн?

– Восхитительно. Теперь ночами станем пить только его. Это будет наш секрет.

– Есть много других рецептов.

– Нет, – резко возразила Аня, – только самый лучший.

– Хорошо, но нужно разнообразие.

– Ты такой непостоянный?

– Наоборот. Необходимо чередовать части, чтобы в итоге собиралось что-то целое, как кубик Рубика. Вращая разные стороны и наслаждаясь процессом, в конечном счете получаешь идеальное сочетание.

– Иногда ты так выражаешься, милый, что мне кажется, – это слова шестидесятилетнего старика.

– Вот спасибо. Но иногда мне и самому так думается.

– Не обижайся. Это комплимент.

– Меня трудно обидеть.

– На этот счет ты заблуждаешься.

Она улыбнулась, и я почувствовал себя ребенком.

– Ты счастлив?

– Сейчас да.

– А вообще?

– Конечно, нет. Ведь скоро уже три утра, и ты собираешься смотреть сны.

– Что же в этом плохого?

– Ничего. Только не хочется тебя отпускать.

– А ты обними меня и никогда не отпускай. Я могу упасть без тебя.

Я подошел к кровати, сел рядом и погладил ее по голове. Она потянулась, как кошка, и вскоре уснула.

Я стал слушать ветер и старался не разбудить Аню. Мне

очень нравилось ее ощущать, видеть, как она спит, мерно дышит, немного посапывая. И сейчас она, будто вся во мне, вместо крови. Эта девушка идеальна. Я хотел найти в ней что-то отрицательное, но не смог. Кто я для нее? Приключение? Игра? А может быть, Аня и правда влюблена или ей все равно? Эти вопросы всегда так некстати, потому что зарождают сомнения. Разум напрасно пытается все анализировать, опасаясь и оглядываясь назад.

...Проснулся я в двенадцатом часу. Ани нигде не было. Осмотревшись в надежде найти записку, я выглянул из номера – за порогом только одиноко вздыхал пылесос. Тогда я взял полотенце и направился в душ, не понимая до конца, что произошло. Вернувшись к себе, я застал Аню у двери с плоской коробкой в руках.

– Вы меня не впустите?

– Конечно. Я смывал усталость.

– А я покорно жду Вас на коврике в компании вкусного завтрака.

– Она открыла крышку, где лежала аппетитная пицца.

– С сыром и побольше мяса. С бодрым утром, дорогой. Я немного не успела.

– Я подумал, что у тебя появились другие дела, и ты уже убежала.

– Тогда бы я тебя предупредила.

Мы покушали, по-доброму подшучивая друг над другом, и поехали в авиагородок. Ане хотелось устроить пикник

на природе и взять с собой двоюродного брата Андрея с подружкой. Они вместе учились и жили в одном районе, только готовясь поступить в институт. С парнем мы быстро нашли общий язык. Поначалу подросток немного тушевался, но спортивные темы моментально стерли разницу в возрасте. Андрей был среднего телосложения, из семьи, где мало внимания уделяли проблемам взросления. Аня заменяла ему мать и отца в одном лице. Брат и сестра часто спорили, обсуждая взаимоотношения так эмоционально, что вполне можно обойтись без радио. Мне он импонировал своей простотой и наивностью. Я даже немного завидовал его молодости и перспективам. Даша, его подружка, наоборот, очень любила посмеяться и веселилась по любому поводу, но тоже поначалу стеснялась меня. Я старался помалкивать и немного подшучивал над ней, советуя больше кушать из-за ее стройной фигуры.

Дороги в Вырицу – местечко под Санкт-Петербургом, где обещали ручей и живописные пейзаж, – я не знал, и ребята постоянно искали нужные повороты. Нам несколько раз приходилось останавливаться и спрашивать у прохожих верное направление.

На лесной поляне пахло цветами. Мы расстелили одеяло, достали вино, еду и принялись любоваться красотами природы. Я оставил штопор в гостинице, и мне пришлось смастерить подходящий инструмент, чтобы откупорить бутыл-

ку. Выдернуть пробку не представлялось возможным, поэтому оставалось только пропихнуть ее внутрь, преодолев давление. Я подобрал крепкий дубовый сук и с большим трудом осуществил задуманное, потратив уйму времени и поранив до крови обе ладони.

Девчонки развлекали нас разными забавными играми, и тот, кто терпел поражение, обязан исполнить желание всей компании. Мне поручили подойти к деревенскому жителю и спросить на английском языке, где находится несуществующий Кремль. На что тот только пожал плечами. Изрядно нагревшись на солнце, все гурьбой ринулись к воде, как будто сговорившись. Она оказалась очень холодной, почти ледяной по сравнению с моей Волгой, так что я смог зайти только до плавок, а питерцы уже вовсю плавали и бултыхались. Им эта температура казалась подходящей. Северный народ!

Удивительно то, что никогда я не отдыхал так активно. У себя в городе, хорошо если пару дней в неделю удавалось провести на рыбалке или в саду. Почти весь мой досуг проходил или на работе, или дома на старом диване за книгами. А кто этот человек? Обидно, что водителям воспрещалось пить алкоголь. Я перестал обращать внимание на купающихся и безмятежно отдыхал, ни о чем не думая, за что, конечно, меня обрызгали. Аня старалась не афишировать наших отношений при ребятах, от чего у меня на душе скреблись кошки, ведь я не мог даже поцеловать ее.

На обратном пути я посадил Аню за руль. У нее имелись

действующие права, но не практика. Мало того, что нужно не перепутать три педали, так еще смотреть во все зеркала и переключать передачи. Ей очень нравилось вести автомобиль. Не сказать, что она была напряжена, скорее, даже наоборот, больше расслаблена, и это нисколько не мешало ей разговаривать на полном ходу. Этот час на пассажирском сиденье стоил мне копны седых волос. Мы пересели и последнюю часть пути ехали почти молча, слушая классическую музыку, так как все изрядно утомились.

В авиагородке Аня сказала, что ей нужно домой, наспех поцеловала меня в щеку и убежала, пообещав позвонить в гостиницу. Я обрадовался, что смогу побыть в одиночестве, которого мне не хватало. Я настолько привык к нему, что шумные и веселые компании меня пугали. Я быстро замыкался и уставал от них, уходя в себя. Сразу же следовали вопросы: все ли в порядке и почему я такой печальный? Только никто не понимал, что это совсем не грусть, не проблемы, просто я скучаю по уединению.

Вечер медленно превращался в ночь. Объехав обелиск у площади Победы, я устроился поужинать в круглосуточном кафе «Дель-Мар», меню которого поражало своим разнообразием, а на подоконниках стояли огромные аквариумы с настоящими акулами. Соблазна попугать рыб не получилось избежать. В ответ на стук по стеклу подошла официантка и записала заказ: салат с ананасами, морепродукты

в соусе из белого вина и кофе по-турецки. Так я решил отпраздновать этот миг спокойствия и тишины. Посетителей совсем немного, тихие приятные мелодии успокаивали больные нервы. Напротив моего столика возвышалась небольшая сцена для живой музыки, но сейчас там спали лишь несколько уставших инструментов. Я бы с удовольствием послушал романс в исполнении тихого баса и сопрано. Аню сюда можно приглашать, ее наверняка позабавят «водоплавающие».

С легкостью просидев пару часов и наевшись до отвала, я отправился в гостиницу, когда мосты уже развели. Я оставил автомобиль у самого края поднятой половины моста, достал мяч и принялся выделывать с ним разные сложные штуки. В прошлом я очень часто играл в футбол, проводя дни и ночи во дворе, пропуская обеды и ужины, и научился прилично бегать, хорошо контролировать свои движения и неотразимо бить по воротам. Мы создали свою команду, с которой участвовали в различных областных соревнованиях и с успехом их выигрывали или получали ценные призы. Я был отличным спортсменом, и меня пригласили в профессиональную команду низшей лиги на позицию нападающего. На тренировки приходилось тратить много сил, и родители забрали меня, сказав, что я должен посвятить себя образованию, но футбольные навыки остались у меня и по сей день.

Из машин по очереди выскакивали студенты и присоединялись к игре. Мы долго пинали кожаный шар, не раз попадая по дверям обладателей иномарок, которые краснели

от злости, но сильно не ворчали на молодежь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.